
КСЕНИЯ СОБОЛЕВА
БОСС,
ТЕПЕРЬ Я ТВОЯ
МАЧЕХА

Ксения Соболева

Босс, теперь я твоя мачеха!

«Литнет»
2026

Соболева К.

Босс, теперь я твоя мачеха! / К. Соболева — «Литнет», 2026

«Муж вас уже заменил. Берегите хотя бы работу», — бросил молодой босс при всём отделе. А потом потребовал, чтобы я подписала признание в его собственных ошибках.Мне сорок пять, за плечами развод и двадцать три года брака. Я отказалась подписывать ложь — и на следующее утро меня не пустили в офис. Кирилл был уверен: его отец, владелец компании, всегда останется на стороне сына.Но его отец выслушал меня. Защитил моё имя. И однажды пригласил на свидание.Теперь Кирилл требует, чтобы я исчезла из их семьи. Он ещё не знает, какое предложение приготовил для меня его отец…

© Соболева К., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Стул у стены 5
Глава 2. За стеклянной дверью 12
Глава 3. Отец генерального 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Глава 1. Стул у стены

— Ирина Сергеевна, вам вон туда, — сказал Кирилл, не поднимаясь из кресла, и указал ручкой куда-то за её плечо. Ирина остановилась у длинного стола, придерживая открытую папку, в которой уже нашла нужную страницу, и оглянулась. Возле стены, между кадкой с фикусом и стойкой для верхней одежды, стоял узкий стул с серой обивкой. Сначала она решила, что неправильно поняла, но Кирилл уже отвернулся к своей помощнице, сидевшей на её обычном месте справа от экрана, и попросил придвинуть ему чашку. На столе перед девушкой лежали телефон и маленький блокнот; бумаги, которые Ирина собиралась разложить к разговору, пришлось прижать локтем, чтобы они не выскользнули из папки.

— Мне понадобится стол, Кирилл Викторович. Здесь переписка по субботнему заезду, я хотела показать вам согласованные решения, — произнесла она, оставшись стоять возле свободного края. Помощница быстро посмотрела на неё и потянулась к телефону, словно собиралась освободить место, но Кирилл остановил её движением руки. — Мы немного поменяли рассадку. Вам оттуда всё будет слышно, — ответил он и, заметив, что Ирина не двигается, добавил уже громче: — Или без определённого кресла юридический отдел работать не может? За столом кто-то коротко усмехнулся, тут же заглушив звук кашлем. Ирина повернула голову, но увидела только знакомый затылок начальника службы размещения и опущенные лица остальных.

Она подошла к стене, отодвинула стул от нижних листьев фикуса и села, положив папку на колени. Спинка упёрлась под лопатки, край сиденья неприятно надавил на ноги; чтобы видеть Кирилла, приходилось немного наклоняться в сторону. До отпуска на понедельничных совещаниях Ирина садилась рядом с руководителями других отделов, и никто не считал это особой милостью. За пять лет она привыкла, что ей передают бумаги, задают вопросы, иногда перебивают, спорят, а потом снова спрашивают, как выйти из неприятного положения. Сейчас ближайший к ней коллега незаметно придвинул свой стул к столу, увеличив расстояние между ними. Ирина расправила угол верхнего листа и сосредоточилась на напечатанной дате: пятница, последнее рабочее утро перед отпуском.

Она взяла всего пять дней и за это время так и не успела повесить в новой квартире шторы. Вчера, разбирая посуду, нашла в коробке большую салатницу, которую бывший муж почему-то положил среди её вещей, хотя при разделе мелочей сам просил оставить её ему. Ирина долго держала холодное стекло над картонной перегородкой, вспоминая, как покупала эту салатницу к одному из семейных праздников, потом убрала на верхнюю полку. После двадцати трёх лет брака ей достались собственная небольшая квартира, несколько десятков коробок и неожиданно много вещей, для которых пока не находилось места. Развод уже был завершён, переезд тоже, и сегодня утром она впервые за несколько недель с облегчением застегнула привычный жакет: по крайней мере, на работе не требовалось решать, как теперь устроить всю оставшуюся жизнь.

Кирилл положил телефон экраном вниз и обвёл взглядом присутствующих. Ему было тридцать пять, на десять лет меньше, чем Ирине, но обращаться к сотрудникам он с первого дня предпочитал так, будто давно устал от их беспомощности. За два месяца его руководства в приёмной сменили мебель, на совещаниях перестали подавать чай в больших заварочных чайниках, а любое упоминание прежнего порядка сопровождалось замечанием о том, что компания должна развиваться. Ирина не возражала против новых кресел и маленьких кофейных чашек. Её беспокоило другое: вопросы, которые раньше обсуждали до принятия решения, Кирилл всё чаще объявлял ненужными препятствиями, а людей, задававших эти вопросы, заставлял оправдываться за задержку.

— Прежде всего хочу понять, почему о нашей новой гостинице с утра говорят как о месте, где обманывают гостей, — начал он, придвигая к себе тонкую папку. — Мы вложили деньги, пригласили людей, подготовили открытие. И в результате получили жалобы, возвраты, испорченные отношения с заказчиками. Я понимаю, что некоторым здесь удобнее работать в прежнем темпе, но это не повод срывать общий результат. Он сделал паузу и посмотрел прямо на Ирину, так что сидевшие ближе к ней невольно повернули головы. — Особенно когда генеральный директор отдельно просит не создавать проблем там, где их можно решить обычным человеческим отношением.

Ирина почувствовала, как жёсткий край папки вдавился в ладонь, и ослабила пальцы. Оксана позвонила ей вчера вечером, когда она, стоя на табурете, пыталась дотянуться до верхней полки кухонного шкафа. Говорила быстро и негромко, несколько раз замолкала, прислушиваясь к тому, что происходило рядом: часть гостей так и не переселили, люди требовали вернуть деньги, пожилые супруги уехали после испорченного праздника. На вопрос, почему не воспользовались заранее подготовленной заменой, Оксана ответила только, что Кирилл Викторович всё переиграл, а потом попросила дождаться утра. Ирина ещё пыталась выяснить, остался ли кто-нибудь без номера, но в трубке послышался чужой голос, и разговор оборвался. Позже пришло короткое сообщение, что все хотя бы размещены и сейчас Оксана говорить не может.

До отпуска всё выглядело иначе. Выяснив, что несколько номеров к открытию не будут готовы, Ирина собрала за одним столом Оксану и сотрудницу, отвечавшую за бронирование, попросила найти равноценные комнаты в другой гостинице и составить список гостей, которых нужно предупредить. Кирилл тогда раздражался из-за лишних расходов, но согласился на предложенный порядок, а после прислал подтверждение в рабочей переписке. Тем, кого замена не устраивала, должны были вернуть деньги; остальных — заранее предупредить и отвезти в подготовленные номера. Ирина сама уточнила, что среди приезжающих есть семья, собравшаяся отмечать золотую свадьбу, и попросила особенно внимательно обсудить с ними, где будут жить родственники. В отпуск она ушла после того, как получила все подтверждения, оставив Соне письма и необходимые контакты.

— Именно поэтому мы и договорились предупредить людей заранее, — сказала Ирина, открывая папку на коленях. — Оксана сообщила вчера, что согласованное размещение отменили. Мне нужно понять, кто остался без помощи и что им уже предложили. Если позволите, я подойду… Она поднялась, не дожидаясь ответа, и положила перед Кириллом копию его письма, придерживая остальные листы у груди. Он посмотрел на бумагу лишь мельком и отодвинул её концом ручки, освобождая место перед своей папкой. — Сядьте, Ирина Сергеевна. Мы сейчас обсуждаем результат вашей работы, а не учимся читать электронную почту.

Она осталась возле стола, чувствуя на себе взгляды тех, кто ещё минуту назад рассматривал экран. Помощница генерального опустила глаза в блокнот, хотя на странице по-прежнему не было ни одной записи. Ирина знала, что сейчас достаточно повысить голос или сердито передвинуть бумагу, чтобы разговор окончательно перестал касаться гостей. Кирилл уже смотрел на неё с тем терпеливым выражением, с каким взрослый ждёт, когда упрямый собеседник перестанет мешать. Ирина вернулась к стулу, медленно уложила листы в прежнем порядке и спросила, сохраняя ровный голос: — Кто отменил переселение? В моё отсутствие отдел не давал никаких новых указаний по этому вопросу.

— Я попросил Оксану решать вопросы на месте, — ответил Кирилл. Он откинулся в кресле и впервые за всё утро посмотрел на неё без показного терпения. — Если каждому недовольному сразу предлагать деньги назад, мы никогда ничего не откроем. Люди приезжают отдыхать, им можно предложить ужин, другой номер, что угодно. Но у вас на любой разговор одна бумага и десять причин ничего не делать. Ирина услышала, как рядом кто-то переложил телефон с одной стороны блокнота на другую, и подождала, пока стихнет этот ненужный звук.

— Другие номера были подготовлены заранее. Ужин не заменяет комнату, за которую человек заплатил, — сказала она. Кирилл слегка улыбнулся, словно именно такого ответа и ожидал, и больше к её вопросу не вернулся.

У него зазвонил телефон, и совещание остановилось на середине разговора. Взглянув на экран, Кирилл сразу выпрямился, поправил манжету и ответил совсем другим голосом — тёплым, почти приятельским. Он заверил собеседника, что недоразумение уже разбирают, поблагодарил за прямой звонок и пообещал лично всё объяснить. Ирина смотрела на лежавшее возле его локтя письмо и вспоминала, как за неделю до отпуска он показывал отцу фотографии новой гостиницы. Тогда он так же легко улыбался и говорил, что открытие пройдёт без единой задержки; позднее, уже без Виктора Глебовича, несколько раз упомянул обещанную премию за удачный сезон. Теперь Кирилл закончил разговор, убрал улыбку и, не глядя на Ирину, произнёс: — Вот так с людьми и разговаривают. Без лекций о том, чего мы не можем.

— Что произошло с семьёй, у которой была золотая свадьба? — спросила она, пока он снова не начал говорить об отделе. Начальник службы размещения поднял голову и неуверенно сообщил, что часть родственников уехала раньше времени, а виновники торжества отказались от предложенного на следующий день ужина. Кирилл поморщился и потянулся к чашке. — Им всё было не так. Сначала номера, потом рассадка, потом, видите ли, испорченное настроение. Я предложил им ещё один вечер за наш счёт. Они даже слушать не захотели. Она посмотрела на него, вспоминая письмо дочери пожилых супругов, которая просила поселить родителей рядом с сестрой и обещала привезти старые свадебные фотографии. В том письме было столько заботливых подробностей, что Ирина тогда перечитала его до конца, хотя для работы хватило бы списка гостей.

— Они знали до приезда, что часть номеров не готова? — уточнила она. Кирилл опустил чашку на блюдце резче, чем требовалось, и ответил, что всех предупреждали по мере необходимости. Начальник службы размещения отвёл взгляд, а сидевшая рядом с ним женщина из отдела бронирования сжала губы и опустила голову. Ирина не стала требовать от неё ответа при генеральном, но заметила эту поспешность. — Я поговорю с Оксаной и соберу все обращения, — сказала она. — Сегодня нужно связаться с теми, кто уехал, и выяснить, какие расходы они понесли. Но сначала я хочу понимать, что именно им обещали от имени компании.

— Сначала вы подпишете это, — перебил Кирилл и вынул из своей папки один лист. Он протянул его помощнице, та встала и подошла к Ирине, на мгновение загородив собой стол. Девушка держала бумагу двумя пальцами за верхний угол и смотрела куда-то возле Ирининого плеча; когда Ирина взяла лист, она быстро вернулась на место. Текст занимал меньше половины страницы, и под ним уже были напечатаны должность, фамилия и инициалы. Ирина пробежала первые строки, затем вернулась к началу и прочитала ещё раз, теперь медленнее. В письме говорилось, что руководитель юридического отдела без согласования с генеральным директором запретила возвращать гостям деньги и предоставлять им другое размещение, из-за чего возникли жалобы.

Некоторое время она рассматривала оставленное для подписи пустое место. Снизу слегка просвечивала лежавшая на коленях копия переписки, где Кирилл собственноручно подтвердил прямо противоположный порядок. Ирина выровняла оба листа и подняла глаза; генеральный уже обсуждал с помощницей, кому отправить готовое объяснение. — Это письмо партнёрам? — спросила она. Кирилл кивнул, не прерывая разговора, и только через несколько секунд повернулся к ней. — Нам нужно закрыть вопрос. Вы признаёте ошибку, компания принимает меры, люди видят, что мы разобрались. Никому не интересно неделями слушать наши внутренние споры.

— Я не запрещала возвращать деньги, — произнесла Ирина. От долгого сидения в неудобной позе затекла нога, и она чуть переставила ступню, стараясь не задеть стоявшую рядом кадку. — Здесь написано, что я запретила и переселение. Вы только что при всех ска-

зали, что сами попросили Оксану решать вопросы на месте. Кирилл поднял брови и несколько секунд молча смотрел на неё, после чего перевёл взгляд на остальных, словно предлагая им оценить затянувшееся упрямство. — Я поручил вам подготовить нормальный порядок работы. Вы подготовили такой, при котором любой недовольный сразу получает наши деньги обратно. Пришлось вмешаться, а теперь вы предлагаете сделать виноватым меня.

Ирина поднялась со стула и на этот раз подошла к столу с обоими листами. Она положила их рядом, повернув текст к Кириллу, и прижала пальцем строку с его подтверждением. Рука оставалась спокойной, хотя под жакетом уже было жарко и хотелось расстегнуть верхнюю пуговицу блузки. — Я предлагаю написать то, что произошло, — сказала она, убрав палец с бумаги. — Вот согласованный порядок помощи. Вот письмо, в котором утверждается, что я эту помощь запретила. Подписывать его я не буду, потому что этого не было. Кирилл не посмотрел на указанную строку, только медленно положил ручку поперёк чистого места для подписи. — Подумайте, прежде чем отвечать, Ирина Сергеевна. Я пока ещё даю вам возможность остаться в команде.

— Я уже ответила, — сказала Ирина и закрыла свою папку, оставив на столе обе бумаги. Теперь ей хотелось сесть за нормальный стол, вызвать Оксану на связь и по очереди разобрать случившееся с каждым гостем, но Кирилл даже не собирался заканчивать. Он провёл пальцем по лежавшей перед ним ручке, посмотрел на Ирину снизу вверх и заговорил негромко, отчего остальные затихли ещё внимательнее. — Вы сейчас в непростом положении. Я вошёл в него, отпустил вас заниматься личными делами, не стал задавать лишних вопросов. Наверное, можно было бы проявить немного благодарности и не устраивать мне здесь представление. Ирина почувствовала знакомое неприятное давление под рёбрами и отодвинула руку от края стола. Объясняя, зачем ей нужен отпуск перед открытием, она действительно сказала ему о переезде после развода, но разговор происходил в его кабинете, за закрытой дверью.

— Я благодарна за согласованный отпуск. К этому письму он отношения не имеет, — ответила она, стараясь не смотреть на сидевших рядом людей. Кирилл коротко усмехнулся, и в этой усмешке уже не было ничего от доброжелательности, с которой он несколько минут назад разговаривал по телефону. — Ирина Сергеевна, если муж уже нашёл вам замену дома, не стоит так упорно добиваться того же на работе, — произнёс он, слегка повысив голос на последних словах. — Вам бы сейчас особенно беречь своё место. У кого-то вырвался смешок, другой человек неловко улыбнулся и сразу опустил голову. Ирина посмотрела на знакомую женщину из отдела бронирования, с которой зимой вместе выбирала подарок уходившей на пенсию сотруднице, но та поспешно отвела глаза.

Ирина стояла совсем близко к столу и видела влажный след под Кирилловой чашкой. По белому блюдцу медленно стекала тонкая коричневая капля, а сама она никак не могла решить, куда деть папку: прижать к груди или опустить вдоль бедра. Ещё вчера Лиза помогала ей перенести последнюю коробку с книгами и спрашивала, не хочется ли заказать на ужин что-нибудь вкусное, чтобы отметить конец переезда. Ирина тогда отказалась, сославшись на усталость, хотя дочь явно старалась придумать для них хороший вечер. Сейчас ей вдруг до боли захотелось оказаться в той маленькой кухне, среди неразобранных вещей, и согласиться на любой ужин, лишь бы не стоять перед этими людьми, слышавшими про её мужа и не знавшими, куда смотреть.

Кирилл выждал несколько секунд, по-прежнему держа ручку перед собой. Он не отвёл глаз, не попытался смягчить сказанное и даже не назвал это шуткой; Ирина поняла, что он ждёт, когда она возьмёт предложенную ручку. У неё задрожали губы, и пришлось на мгновение плотно прижать их друг к другу, прежде чем говорить. — Мой развод не относится к этому совещанию, — произнесла она, ощущая, насколько непривычно звучит собственный голос. — Я не разрешала обсуждать мою семью. Письмо я не подпишу. Последние слова дались легче первых, и она сумела посмотреть ему прямо в лицо, не отступая от стола.

— Значит, вы отказываетесь исправлять свою ошибку, — сказал Кирилл, откинувшись в кресле. Ирина покачала головой, удерживая папку обеими руками, чтобы не выдавать дрожь. — Я отказываюсь подтверждать то, чего не делала. По обращениям гостей мой отдел начнёт работать сегодня, как только получит все сведения. Кирилл повернулся к помощнице и велел отметить её отказ, затем посмотрел на часы. — Можете идти. Дальше мы обсудим, как выходить из этой ситуации без ваших объяснений. Ирина взяла со стола только свою копию переписки, оставила перед ним неподписанный лист и направилась к двери, чувствуя спиной молчание тех, кто ещё недавно обращался к ней за помощью.

В коридоре было прохладнее, чем в переговорной, и она на несколько шагов замедлила ход. Из приёмной пахло свежим кофе, у окна стояли двое незнакомых мужчин с папками; один отступил, пропуская её, и Ирина машинально поблагодарила. Ей хотелось как можно скорее дойти до кабинета, но торопиться было нельзя: от слишком быстрого движения начинало ощутимо биться сердце. Она открыла дверь, положила папку на стол и повернула жалюзи так, чтобы из коридора не было видно её лица. Только после этого позволила себе расстегнуть верхнюю пуговицу блузки и сесть в собственное кресло, на привычную высоту, с широкими подлокотниками и потёртым краем справа.

В нижнем ящике лежала упаковка салфеток, купленная ещё зимой. Ирина достала связку ключей, выбрала маленький серебристый, наклонилась к замку и не попала в отверстие. Ключ царапнул металл, выскользнул из пальцев и упал возле колеса кресла; пришлось отодвинуться, нагнуться и достать его из-под стола. Когда со второй попытки получилось открыть ящик, она некоторое время просто смотрела на лежавшие внутри вещи: запасные очки, крем для рук, шоколадку, которую Соня принесла ещё перед отпуском. Всё находилось там, где она оставила перед отпуском. Ирина вытащила салфетку, осторожно промокнула глаза и проверила лицо в маленьком зеркале, раздражённо вытирая чёрный след под нижним веком.

Соня постучала, когда Ирина уже включила компьютер, но ещё не открыла ни одного письма. Девушка заглянула в кабинет, спросила, можно ли войти, и остановилась возле двери с тетрадью в руках. — Оксана прислала список тех, кто уехал раньше, — сказала она, положив тетрадь на край стола. — Я пока собрала письма по датам. Там почти все просят связаться сегодня. Ирина кивнула и попросила прислать всё ей, затем заметила, как Соня украдкой смотрит на смятую салфетку возле клавиатуры. Ей захотелось немедленно объяснить красные глаза головной болью, но она удержалась и вместо этого указала на стул напротив, предлагая девушке сесть.

— Когда я была в отпуске, тебе поручали менять порядок помощи гостям? — спросила Ирина. Соня сразу покачала головой и рассказала, что во вторник собиралась уточнить у Оксаны окончательный список переселения, но та ответила, что генеральный всё решает сам. Позднее Кирилл подтвердил это в коротком разговоре и велел больше не беспокоить гостиницу. — Я подумала, они нашли номера у себя. Вам писать не стала, вы ведь всё заранее оставили, — добавила Соня, разглаживая ладонью обложку тетради. Ирина видела, как девушка ждёт упрёка, и сказала, что правильно сделала, рассказав сейчас. Затем они вместе открыли переписку, и Соня показала, какие ответы успела подготовить на поступившие обращения.

Работа помогла Ирине занять руки. Она прочитала первое письмо, задала два уточняющих вопроса, попросила проверить телефон женщины, которая уехала из гостиницы ночью, и только после этого отпустила Соню за её стол. Когда дверь закрылась, Ирина снова увидела перед собой оставленный на совещании лист с напечатанной фамилией. Кирилл уже предложил ей признать то, чего она не делала, и не собирался слушать возражения; к следующему разговору недостаточно было просто приготовить более подробное объяснение. Она открыла контакты и нашла Виктора Глебовича Гордеева. Последний раз они переписывались несколько месяцев назад, когда он попросил её проверить одно предложение перед встречей, а потом коротко поблагодарил за помощь.

Ирина начала сообщение с привычного обращения и надолго остановилась после первой строки. Жаловаться отцу на сына казалось неловким даже сейчас, когда перед глазами всё ещё стояла его усмешка; она боялась получить вежливый ответ о необходимости решать рабочие вопросы с непосредственным руководителем. Но письмо Кирилла касалось её имени, и возможность ещё раз остаться с ним наедине в кабинете не обещала ничего, кроме повторения утреннего разговора. Ирина написала, что во время её отпуска был отменён согласованный порядок помощи гостям, а сегодня ей предложили письменно признать ответственность за решения, которых она не принимала. Затем попросила Виктора Глебовича лично разобраться в случившемся и сообщила, что готова предоставить всю переписку. Прочитав текст дважды, она прикрепила подтверждение Кирилла и нажала кнопку отправки, прежде чем снова начала искать более осторожные слова.

До конца рабочего дня Ирина несколько раз возвращалась к телефону, но ответа не было. Оксана не брала трубку, затем прислала просьбу поговорить вечером; Соня приносила новые письма, и с каждым становилось яснее, что одним испорченным торжеством всё не ограничилось. В середине дня Ирина заставила себя спуститься за супом и съела половину порции за столиком возле окна, не чувствуя вкуса. Одна из участниц утреннего совещания прошла мимо с подносом, заметила её и села в другом конце зала, хотя раньше они нередко обедали вместе. Ирина не стала звать её или делать вид, что сама никого не узнала. Вернувшись в кабинет, она закончила несколько необходимых ответов, собрала бумаги и перед уходом ещё раз проверила, не написал ли Виктор Глебович.

Дома на столе оставалась открытая коробка с чашками, а возле стены лежали свёрнутые шторы. Ирина сняла туфли в прихожей и некоторое время стояла босиком на прохладном полу, не включая свет в комнате. Днём пришло сообщение от Лизы: завтра у неё свободное утро, она заедет и начнёт разбирать книги, пока мама на работе. У дочери уже был ключ, и Ирина ответила, где лежат пакеты для ненужной упаковки, а потом стёрла добавленное «у меня всё хорошо». Лиза ни о чём таком не спрашивала. Ирина поставила чайник, достала из холодильника сыр и вдруг заметила, что всё ещё держит рабочую папку под мышкой, хотя с момента возвращения уже успела пройти с ней по всей квартире.

Оксана позвонила, когда Ирина села за маленький кухонный стол. За окном темнело, в стекле отражались настольная лампа и положенный возле чашки нож, которым она так и не отрезала хлеб. — Ты одна? — спросила Оксана вместо приветствия, и Ирина, услышав её усталый голос, подвинула телефон ближе. — Я сейчас вышла на парковку. В гостинице поговорить невозможно, всё время кто-нибудь рядом. Ирина ответила, что может слушать, и попросила начать с того, что изменилось после её ухода в отпуск. Оксана вздохнула так тяжело, словно весь день ждала именно этого вопроса, но теперь не знала, как на него ответить.

— Во вторник он написал, чтобы мы никого не переселяли и не предлагали возврат первыми, — сказала она. — Потом позвонил и велел перестать пугать гостей. Я объясняла, что комнаты не готовы, что люди всё равно это увидят, но он сказал, что до субботы ещё несколько дней и мы обязаны справиться. Ирина встала, достала из рабочей сумки блокнот и села обратно, прижав локтем загибавшуюся обложку. — Ты сохранила его сообщение? — спросила она, и Оксана ответила, что всё осталось в телефоне. Потом замолчала, а когда снова заговорила, голос стал тише: — Он не хотел, чтобы отец услышал об отменённых заездах. Сказал, что мы выставляем его дураком после всего, что он пообещал.

Ирина попросила переслать сообщение, и через несколько секунд на экране появился снимок переписки. Она прочитала распоряжение, положила телефон на стол и на мгновение закрыла глаза: теперь между согласованной помощью и тем, что случилось в субботу, появилось ясное, собственноручно написанное указание Кирилла. Оксана тем временем рассказывала о гостях, которые приехали к началу праздника с детьми и чемоданами, о женщине, пытавшейся успокоить расстроенную мать, о пожилом мужчине, который несколько раз доставал из

кармана распечатанное подтверждение. Кирилл тогда ещё находился в гостинице и подошёл к ним сам, но разговор быстро стал слышен всем в холле. — Он сказал, что мы не обязаны оплачивать им капризы, — проговорила Оксана. — А когда женщина заплакала, попросил её не мешать другим отдыхать. Её дочь всё снимала на телефон.

— Почему ты не позвонила мне в субботу? — спросила Ирина, чувствуя, как усиливается усталость от необходимости снова и снова восстанавливать случившееся без неё. Оксана не стала оправдываться занятостью и ответила, что Кирилл запретил втягивать в разговор ещё кого-либо. Он обещал сам уладить претензии, а ей велел заниматься размещением и предупредил, что следующую ошибку она будет исправлять уже в другой гостинице. — Я испугалась, Ир. У мамы опять обследования, я только за прошлые расплатилась, — сказала Оксана и на несколько секунд замолчала. Ирина знала про её мать и не могла не представить знакомую женщину в маленькой квартире, где Оксана после каждой задержки на работе старалась говорить особенно бодрым голосом. Но от этого ей не становилось легче слушать, сколько людей успели остаться без обещанной помощи.

— Сегодня он снова звонил, — продолжила Оксана. — Сказал всем объяснять, что возвраты запретил юридический отдел. Именно ты. Ирина выпрямилась и убрала руку от стоявшей перед ней чашки, словно боялась случайно опрокинуть её. — Ты ему напомнила про его сообщение? — спросила она. Оксана ответила, что напомнила, и Ирина услышала, как та открывает дверцу машины, садится и с трудом подтягивает к себе что-то тяжёлое. — Он сказал: «Хотите работать — говорите, как я велел». И ещё, что ты всё равно уйдёшь, а нам здесь оставаться. Последние слова Оксана произнесла почти шёпотом, хотя теперь рядом с ней уже никого не было.

Ирина некоторое время молчала, глядя на недопитый чай. Ей хотелось немедленно спросить, что именно Оксана успела ответить гостям, кто ещё слышал эти указания и почему ни один человек на утреннем совещании не решился возразить. Вместо этого она попросила ничего не удалять из переписки и прислать список тех, с кем Кирилл разговаривал лично. — Я написала Виктору Глебовичу, — сказала она, и Оксана тихо выдохнула. — Пока ответа нет. Завтра нам всё равно нужно будет связываться с людьми и исправлять то, что возможно. Они договорились созвониться утром, после чего Ирина положила телефон на стол и впервые за весь разговор заметила, что сидит, поджав под себя одну ногу, как в детстве, когда долго занималась уроками за кухонным столом.

Сообщение от Сони пришло почти сразу, прежде чем Ирина успела убрать остывший чай. Девушка переслала письмо и написала: «Ирина Сергеевна, посмотрите, пожалуйста. Оно только что пришло на общий адрес отдела. Я сначала подумала, что это тот проект, который вы обсуждали утром, но здесь уже отправка». Ирина открыла вложение и узнала первые строки, которые несколько часов назад читала на неудобном стуле у стены. В документе снова утверждалось, что она запретила возвращать гостям деньги и отказалась от предложенного генеральным директором решения. Пустого места для её подписи больше не было; внизу стояли имя Кирилла Гордеева и его должность.

Она увеличила изображение, прочитала текст до конца, затем вернулась к самому письму. В списке получателей оказались Павел Серов, Надежда Устинова и ещё несколько человек, с которыми она лично работала годами; рядом с каждым адресом стояло уже знакомое название компании или гостиницы. Ирина посмотрела на время отправки, потом на лежавшую возле её локтя папку с подтверждениями. Всё, что она сегодня приготовила для завтрашнего разговора, ещё предстояло кому-то объяснять, а обвинение уже получили люди, привыкшие доверять письмам «Вереска». Она придвинула телефон ближе и начала сохранять присланные Соней страницы, чтобы утром позвонить каждому из тех, чьё имя сейчас видела на экране.

Глава 2. За стеклянной дверью

Пропуск не сработал ни с первого раза, ни со второго. Ирина перевернула карточку, хотя прекрасно знала, что прикладывать её можно любой стороной, и ещё раз поднесла к считывателю. За стеклянной дверью горел обычный утренний свет, уборщица протирала подоконник возле лифта, а на стойке охраны стояла знакомая кружка с отколотым краем. До начала рабочего дня оставалось двадцать минут; Ирина рассчитывала успеть просмотреть присланный Оксаной список и позвонить первым двум заказчикам до того, как начнут собираться сотрудники. Вместо короткого щелчка снова раздался неприятный двойной сигнал. Она отступила, пропуская подошедшего сзади мужчину, и посмотрела на охранника, который почему-то не торопился нажать кнопку под столом.

— Николай Петрович, у меня, кажется, карточка перестала работать, — сказала она, приподняв пропуск так, чтобы он увидел фотографию. Охранник встал, опустил взгляд к монитору и несколько секунд двигал мышью, хотя Ирина заметила, что нужное окно уже открыто. Обычно он здоровался с ней сразу, ещё до того, как она успевала достать карточку; иногда спрашивал, не холодно ли на улице, жаловался на забытый дома зонт или показывал новую фотографию внука. Сейчас он снял очки и начал протирать их краем мягкого чехла. — Ирина Сергеевна, я не могу вас пропустить, — произнёс он наконец и посмотрел ей в лицо. — У меня распоряжение поступило. Сегодня вас в офис не пускать.

Она не сразу нашла, что ответить, и снова посмотрела на дверь. На стекле возле ручки остался след чьей-то ладони, за ним виднелась дорожка к лифту, по которой Ирина вчера шла после обеда, держа стакан воды и телефон. Кабинет находился на третьем этаже, в нижнем ящике стола лежали запасные очки, а Соня должна была принести подготовленные обращения гостей. Ирина зачем-то ещё раз поднесла карточку к ладони и провела большим пальцем по прозрачному краю, прежде чем спросить, кто дал распоряжение. Николай Петрович ответил, что генеральный директор, и тихо добавил, что сам ничего изменить не может. В эту минуту к двери подошли две сотрудницы, и Ирина вынуждена была сдвинуться к стене, чтобы не мешать им пройти.

— Доброе утро, — сказала одна из женщин, уже приложив пропуск, но тут же оглянулась, заметив, что Ирина остаётся снаружи. Николай Петрович придержал дверь, женщины прошли, и створка медленно вернулась на место между Ириной и освещённым холлом. Она узнала обеих: одна работала в бухгалтерии, другую совсем недавно принимали в отдел бронирования. Никто не спросил, почему она стоит у входа с раскрытой сумкой, и от этого ей стало неловко за своё поспешное движение к дверной ручке. Ирина застегнула сумку, убрала карточку в боковой карман и попросила Николая Петровича связаться с приёмной. Он кивнул с таким облегчением, будто возможность позвонить хоть немного избавляла его от необходимости продолжать этот разговор.

Пока охранник говорил по внутреннему телефону, Ирина достала свой. От Виктора Глебовича ответа по-прежнему не было, зато Оксана прислала уточнённые номера телефонов и сообщила, что одна из пострадавших семей уже уехала домой. Ирина написала, что увидела список и свяжется позже, затем открыла вчерашнее письмо Кирилла. Среди получателей всё ещё стояли знакомые фамилии, и на несколько секунд она задержалась на имени Серова, вспоминая, что собиралась звонить ему из кабинета. Можно было позвонить и отсюда, но рядом хлопала наружная дверь, Николай Петрович кому-то объяснял, что она находится у охраны, а подошедший курьер пытался выяснить, где оставить коробки. Ирина погасила экран и отступила ещё немного, оказавшись возле стойки с рекламными буклетами «Вереска».

Соня вошла, держа в одной руке бумажный стаканчик, в другой — телефон с открытым пропуском. Увидев Ирину, она сразу остановилась и улыбнулась, но улыбка исчезла, когда

девушка заметила лицо охранника и поняла, что начальница стоит здесь не по своей воле. — Ирина Сергеевна, вы письмо посмотрели? Я вчера ещё переслала… — начала она и оборвала фразу, взглянув на Николая Петровича. Ирина ответила, что всё получила, и попросила отправить ей на личную почту список обращений, если за утро появится что-то новое. Соня кивнула, сжала стаканчик так, что крышка слегка приподнялась, и спросила, не нужно ли принести что-нибудь из кабинета. Вопрос прозвучал совсем тихо, словно они обе находились там, где разговаривать не полагалось.

Ирине хотелось, чтобы Соня осталась рядом хотя бы на несколько минут, но просить об этом она не могла. Девушка и так то и дело смотрела на дверь, за которой начинали собираться знакомые сотрудники, и не убирала приготовленный к проходу телефон. — Нет, всё необходимое у меня с собой, — сказала Ирина, положив ладонь на сумку. — Иди, а список пришли, пожалуйста, как устроишься за столом. Соня ещё немного помедлила, и Ирина увидела, как у неё дрогнули губы, будто она собиралась что-то сказать охраннику. Однако Николай Петрович в этот момент закончил разговор, поднялся и посмотрел в сторону лифта. Соня тоже обернулась, заметила приближавшегося Кирилла и молча прошла внутрь, опустив глаза к телефону.

Кирилл вышел из стеклянной двери без пиджака, с закатанными до локтей рукавами рубашки. Он не выглядел человеком, которого неожиданно отвлекли от важного дела: остановился рядом со стойкой, спокойно посмотрел на Ирину, затем на часы у неё за спиной. Николай Петрович отодвинулся, оставив между ними свободное место, и занялся коробками курьера. — Я думал, после вчерашнего вы сначала позвоните, — произнёс Кирилл, не поздоровавшись. — Нам ещё предстоит решить, как вы собираетесь продолжать работу. Ирина почувствовала, что двое сотрудников, только что вошедших с улицы, замедлили шаг, и заставила себя смотреть на генерального, а не на них. — Я приехала к началу рабочего дня, — ответила она. — Почему мой пропуск отключён?

— Потому что вчера вы отказались выполнять распоряжение руководителя, — сказал Кирилл с тем же терпеливым выражением, которое Ирина уже видела на совещании. Он слегка подался к ней, понизив голос, но говорил всё равно достаточно громко, чтобы слышали у стойки. — Я не могу допустить, чтобы вы сейчас начали обзванивать всех подряд и убеждать людей, что генеральный директор ничего не понимает в собственной компании. Ирина крепче взяла сумку за ручки и спросила, означает ли это, что он её уволил. Кирилл усмехнулся, словно она наконец произнесла именно то, к чему он её подводил. — Это зависит от вас. У меня ещё есть возможность оставить вас на месте, если вы перестанете усложнять ситуацию.

С наружной стороны снова открылась дверь, и холодный воздух коснулся Ирининой шеи над воротником пальто. Она вспомнила, как несколько лет назад встречала здесь пожилого заказчика, которому было тяжело подниматься по ступеням, и сама придерживала для него створку, пока Николай Петрович искал свободного сотрудника, чтобы проводить наверх. Теперь ей приходилось стоять сбоку, прижимая к себе сумку, пока другие проходили между ней и генеральным. Кирилл переждал, когда очередной человек приложит карточку, и продолжил так, будто это место вполне подходило для разговора. — Приходите вечером, к половине седьмого. Спокойно признаете ошибку, попросите сохранить вам работу, и мы подумаем, что можно сделать. Только без вчерашнего тона и без этих ваших бумажек.

Ирина посмотрела на него, пытаясь понять, действительно ли он ждёт, что она вернётся сюда после окончания рабочего дня и произнесёт приготовленные им слова. Вчера он уже объяснил при коллегах, почему разведённой женщине следует особенно беречь своё место, а сегодня оставил её у входа, чтобы продолжить тот же разговор перед людьми, которым даже не требовалось садиться за стол. Ей хотелось сказать, что в сумке лежат подтверждения каждого её решения, но Кирилл всё это видел и прекрасно помнил. — Я не буду обсуждать здесь, оставите вы меня на работе или нет, — произнесла она. — Я не запрещала помогать гостям и

признавать это не собираюсь. Если вы хотите поговорить о том, что произошло с гостями, я готова. Для этого не нужно держать меня у проходной.

— Вы всё ещё торгуетесь, — заметил Кирилл и поправил закатанный рукав, не отводя от неё взгляда. — Подумайте до вечера. Я предлагаю вам вполне нормальный выход. Ирина убрала телефон в сумку и застегнула её, задержав пальцы на молнии, чтобы не сделать слишком резкого движения. — Вы услышали мой ответ, — сказала она, после чего повернулась к Николаю Петровичу и коротко попрощалась. Охранник кивнул, но не произнёс ни слова; возле его локтя продолжал светиться маленький экран с её фамилией. Ирина сама открыла наружную дверь, вышла на ступени и лишь у машины поняла, что всё это время удерживала плечом сползавшую ручку сумки.

В салоне пахло бумажным стаканчиком из-под кофе, который она забыла выбросить накануне. Ирина поставила сумку на соседнее сиденье, достала ключи и несколько раз без нужды переложила их из одной руки в другую, прежде чем вставить в замок. Заводить машину она не стала. Через лобовое стекло была видна дорожка к офису, по которой шли двое мужчин, о чём-то оживлённо разговаривая; один поднял руку в приветствии знакомому, и Ирина поспешно отвернулась. Слёзы выступили так быстро, что она не успела достать салфетку, только закрыла лицо ладонью и согнулась над рулём. Никто из тех, кто ещё минуту назад смотрел на неё у двери, теперь не мог увидеть, как она пытается беззвучно вдохнуть и не справляется.

Она сидела, пока не перестало сводить горло, затем нашла в бардачке салфетки и вытерла мокрые пальцы. Потеря работы была вполне возможна, и у неё имелись деньги, чтобы какое-то время обойтись без зарплаты, но сейчас пугало другое: Кирилл уже отправил письмо людям, с которыми она могла встретиться в любой следующей компании. Кто-нибудь спросит, почему она ушла из «Вереска», другой вспомнит сорванное открытие, третий решит, что дыма без огня не бывает. Ирина достала телефон, открыла список получателей и задержала палец над номером Серова. Позвонить ему следовало сегодня, однако голос ещё не слушался, и она сначала убрала салфетки, опустила окно и несколько минут посидела, глядя на припаркованный впереди фургон. Только после этого завела двигатель и медленно выехала со стоянки.

Лиза открыла дверь почти сразу, хотя Ирина ещё не успела достать ключ. На дочери были домашние брюки и старая футболка, волосы она собрала на затылке карандашом, а на щеке виднелась светлая полоска пыли. Из комнаты тянуло воздухом от открытого окна; возле прихожей уже стояли сложенные картонные коробки, которых утром там не было. — Ты что так рано? — спросила Лиза, отступая, чтобы пропустить мать. — Я только начала книги раскладывать. У тебя на работе всё нормально? Ирина ответила, что планы немного изменились, и попыталась снять пальто, не встречаясь с её взглядом, но рукав зацепился за часы. Пока она освобождала ткань, Лиза молча забрала у неё сумку и поставила на тумбочку.

— Мам, посмотри на меня, — попросила дочь, и Ирина подняла голову, уже понимая, что бесполезно объяснять красные глаза ветром. Лиза не стала спрашивать ещё раз, только прикрыла дверь в комнату, где сквозняк шевелил оставленную на полу упаковочную бумагу, и принесла с кухни стакан воды. Ирина взяла его обеими руками, прошла на кухню и села за стол. Она собиралась сказать, что с генеральным возникли разногласия, которые скоро разрешатся, но вместо этого произнесла, что её не пустили в офис. Лиза присела напротив прямо на корточки, положила ладонь на её колено и некоторое время молча смотрела снизу вверх. — Кто не пустил? — спросила она наконец. — Тот новый директор?

Ирина кивнула и начала рассказывать с письма, которое ей предложили подписать вчера. Сначала говорила коротко, пропуская всё, что казалось слишком унизительным, но Лиза слушала внимательно и ничего не пыталась закончить за неё. Ирина объяснила, как заранее подготовила помощь гостям, как Кирилл отменил согласованное, а потом велел признать, будто она сама запретила возвращать деньги. Доходя до сегодняшнего утра, она всё время сбивалась

на мелочи: охранник снимал очки, Соня стояла со стаканчиком, люди проходили, и приходилось отступать, чтобы не загораживать дверь. Лиза поднялась, пододвинула второй стул и села рядом. Когда Ирина умолкла, дочь осторожно забрала у неё стакан, в котором вода уже успела согреться от ладоней.

— А вчера он при всех сказал, что если муж нашёл мне замену, надо хотя бы за работу держаться, — добавила Ирина, глядя на тонкий мокрый след от стакана. Произнести это дочери оказалось почти труднее, чем выслушать на совещании: теперь Лиза тоже должна была представить мать, стоящую перед чужими людьми с такими словами о её семье. Девушка нахмурилась, и Ирина увидела, как у неё напряглась челюсть. — Он какое имеет право вообще говорить про папу? — спросила Лиза, а затем, не дожидаясь ответа, придвинулась ближе и обняла мать за плечи. Ирина сначала осталась сидеть прямо, не зная, как принять эту взрослую, непривычную заботу, потом всё-таки прижалась к дочери. Они некоторое время молчали, и ей было слышно, как на кухне гудит холодильник, а за стеной соседи передвигают что-то тяжёлое.

Лиза первой немного отстранилась и спросила, завтракала ли мать. Ирина собиралась ответить утвердительно, но вспомнила, что утром выпила только кофе, пока проверяла письма в телефоне, и покачала головой. Дочь встала, открыла холодильник и начала доставать продукты, не спрашивая, будет ли Ирина есть и что именно ей приготовить. Она рассказывала, что нашла среди книг старый школьный альбом, но пока отложила его, потому что иначе застряла бы с фотографиями до вечера. Ирина слушала, постепенно переставая следить за каждым звуком собственного голоса, и придвинула к себе разделочную доску. Когда Лиза протянула ей помидор и нож, она разрезала его на четыре части и только потом заметила, что впервые с утра делает что-то обычное, не имеющее отношения к Кириллу.

Они поели за маленьким столом, сдвинув к краю коробку с чашками. Лиза говорила о нескольких книгах, которые не поместились на нижнюю полку, предлагала переставить их повыше и время от времени поглядывала на телефон матери, лежавший рядом с тарелкой. Ирина ждала вопроса, что собирается делать дальше, но дочь только попросила передать соль и рассказала, как неудачно попыталась снять с коробки скотч, из-за чего на пальцах до сих пор оставался клей. Закончив завтрак, Ирина сама сказала, что ей нужно позвонить нескольким людям. Лиза кивнула, собрала посуду и предложила уйти в комнату, чтобы не мешать. Через минуту оттуда послышался осторожный стук книг, которые дочь по одной ставила на полку.

Серов ответил не сразу. Ирина успела посмотреть на лежавший перед ней список, провести ногтем по краю бумаги и решить, что, если он не возьмёт трубку, оставит короткое сообщение с просьбой перезвонить. Когда в телефоне наконец раздался знакомый голос, она выпрямилась и назвала себя, хотя он наверняка видел её имя на экране. — Да, Ирина Сергеевна, слушаю вас, — ответил он без обычного вопроса о делах, и она поняла, что письмо прочитано. Ирина сказала, что звонит именно по поводу вчерашних обвинений, и попросила несколько минут, чтобы объяснить свою часть случившегося. Серов помолчал, потом отодвинул от себя что-то с негромким стуком и предложил говорить.

Она рассказала, что помощь гостям была подготовлена заранее и согласована с Кириллом, а запрета на возвраты её отдел не давал. Старалась говорить коротко, не возвращаясь к каждому утреннему замечанию и не объясняя, насколько тяжело ей сейчас находиться в этом разговоре. Серов выслушал до конца и уточнил, находится ли она сегодня в офисе. Ирина на секунду прикрыла глаза, затем ответила, что сейчас работает с материалами дома и связалась с владельцем компании, чтобы он лично разобрался. — Я услышал вашу позицию, — сказал Серов после небольшой паузы. — Но у нас через два месяца мероприятие, на которое приедут люди из нескольких городов. Мне нужно понимать, кто отвечает за то, что им обещают, и могу ли я вообще продолжать подготовку с «Вереском».

Ирина посмотрела на закрытую дверь комнаты, за которой Лиза передвигала последние коробки. Ей хотелось сослаться на все годы, когда они успешно работали вместе, напом-

нить, сколько раз она сама помогала решить неудобные вопросы до приезда его гостей. Но Серов не обвинял её, он спрашивал о следующем мероприятии, а гарантировать за Кирилла она после случившегося не могла. — Пока у меня нет ответа, который я могла бы вам уверенно дать, — призналась она. Серов тихо вздохнул и сообщил, что приостанавливает подготовку до выяснения обстоятельств. Прощаясь, попросил обязательно связаться с ним, когда будет известна позиция Виктора Глебовича, и добавил, что готов выслушать результаты. Ирина записала рядом с его фамилией дату звонка и несколько секунд смотрела на пустое место, где ещё вчера собиралась отметить обычный рабочий вопрос.

Надежда Устинова говорила быстрее и с самого начала предупредила, что у неё скоро встреча. Ирина знала эту торопливую манеру, но сегодня привычные интонации показались особенно холодными, и пришлось напомнить себе, что женщина не обязана угадывать её состояние. Она повторила главное: обвинения в письме неверны, помощь была согласована, она сама добивается разбирательства. Устинова не стала перебивать, однако после короткого молчания сказала, что решение по ближайшим заказам уже принято. — Я передаю их другой гостинице, Ирина Сергеевна. Утром подтвердила, — произнесла она. — Мне вчера прислали запись из вашего холла, сегодня её уже обсуждают в нескольких рабочих группах. Я не могу отправлять туда людей и надеяться, что с ними будут разговаривать иначе.

Ирина спросила, можно ли вернуться к обсуждению после того, как Виктор Глебович выяснит обстоятельства, и сразу почувствовала, что вопрос прозвучал слишком просительно. Устинова ответила без раздражения, но твёрдо: ближайшие мероприятия уже перенесены, а дальнейшую работу они пока не планируют. Затем помедлила и добавила, что лично к Ирине за прежние годы у неё претензий не было. От этой оговорки стало чуть легче дышать, хотя самого решения она не меняла. Ирина поблагодарила за прямой ответ, попрощалась и положила телефон возле блокнота. Вторая запись получилась короче первой: она указала, что заказы переданы, и больше ничего не стала дописывать, чтобы не превращать чужой отказ в объяснение собственного унижения.

Лиза заглянула в кухню, когда Ирина уже закрыла блокнот. В одной руке она держала книгу, в другой — картонную папку со школьными рисунками, которую мать много лет перекладывала с места на место, так и не решившись выбросить. Дочь спросила, куда это поставить, и Ирина поднялась, чтобы самой посмотреть на освободившиеся полки. В комнате стало заметно просторнее: коробки больше не загораживали проход к окну, несколько стопок книг уже заняли свои места, а на подоконнике стояла вытертая от пыли фотография Лизы на выпускном. Ирина взяла папку с рисунками и убрала её рядом с семейными альбомами. Потом попросила дочь придержать свёрнутые шторы, пока она принесёт из прихожей табурет, и впервые за утро задержалась у окна, рассматривая двор без необходимости куда-то торопиться.

Телефон зазвонил, когда они разобрались с первой шторой и выяснили, что несколько крючков так и остались в упаковке на дне коробки. На экране высветилось имя Тамары, бывшей коллеги, которая два года назад перешла в другую компанию. Ирина спустилась с табурета и ответила, ожидая ещё одного вопроса о сорванном открытии. Тамара действительно начала с него, но быстро сказала, что получила ссылку на запись и услышала от знакомых, будто во всём уже обвинили юридический отдел. — Ты можешь сейчас говорить? — спросила она и, дождавшись ответа, добавила: — Я хотела сначала тебя послушать. Что у вас происходит? Ирина села на подоконник, попросила Лизу пока не лезть обратно на табурет и рассказала всё ещё раз, на этот раз не скрыв, что утром осталась у закрытой двери.

Тамара выслушала, выругалась себе под нос и некоторое время молчала. Потом напомнила, что у них уже несколько недель обсуждают ещё одно место для человека с опытом, и сказала, что могла бы познакомить Ирину с руководителем. Она не обещала немедленного приглашения и не предлагала с завтрашнего дня бросить всё, но говорила о работе так, будто утренний разговор с Кириллом ничего не изменил в её представлении об Ирине. — Если решишь ухо-

дить, давай встретимся и обсудим, — предложила Тамара. — Я не хочу сейчас вытягивать из тебя решение по телефону. Просто имей в виду, что можно будет поговорить. Ирина поблагодарила и призналась, что пока не готова уйти, оставив после себя разосланное Кириллом объяснение. Тамара ответила, что понимает, и попросила не пропадать, даже если ситуация в «Вереске» изменится.

После разговора Ирина открыла присланную ссылку. На записи дрожало изображение, чьё-то плечо на несколько секунд закрывало камеру, а потом в кадре появилась пожилая женщина в нарядном светлом платье, державшая обеими руками маленькую сумочку. Рядом стоял её муж и что-то объяснял Кириллу, показывая смятую бумагу; из-за посторонних голосов отдельные слова терялись, но раздражённое требование не мешать другим отдыхать было слышно отчётливо. Женщина отвернулась, пытаясь вытереть лицо, и Ирина сразу остановила запись. Рядом на экране виднелись новые пересылки и комментарии, а под видео кто-то уже привёл название гостиничной группы. Лиза молча положила ладонь на край подоконника возле матери и подождала, пока та сама уберёт телефон.

Они повесили вторую штору, собрали оставшиеся крючки в маленький пакет и наконец убрали табурет из прохода. Ирина несколько раз отступила к двери, проверяя, ровно ли висит ткань, а Лиза расправляла нижний край и спорила, нужно ли сильнее раздвинуть шторы, чтобы в комнате было светлее. Потом они разогрели обед, нашли среди вещей две одинаковые кружки и некоторое время сидели на кухне, обсуждая, что осталось докупить для квартиры. Лиза не пыталась составлять матери план спасения и не требовала немедленно радоваться предложению Тамары. Она просто задержалась дольше, чем собиралась, а перед уходом вынесла сложенные коробки и спросила, можно ли заехать в конце недели. Ирина проводила её до двери, поправила загнувшийся воротник куртки и попросила написать, когда доберётся домой.

К вечеру в квартире стало тихо. Ирина перенесла ноутбук на кухонный стол, ещё раз просмотрела присланные Соней сведения и ответила Оксане, какие телефоны нужно уточнить. Несколько раз она возвращалась к сообщению Виктору Глебовичу и думала, не позвонить ли самой, но не знала, сможет ли спокойно начать разговор, если он окажется рядом с сыном. В её письме были факты, подтверждения и просьба разобраться; объяснять по телефону, почему она не стоит сейчас у своего рабочего стола, придётся уже собственным голосом. Ирина достала из сумки зарядное устройство, подключила телефон и положила рядом лист с записями после звонков. Когда экран засветился, она сначала решила, что это снова Соня, и только потом увидела имя Виктора Глебовича.

— Ирина Сергеевна, добрый вечер. Вам удобно сейчас разговаривать? — спросил он, и она невольно выпрямилась, словно он мог увидеть, как она сидит перед ноутбуком в домашней кофте. Ирина ответила, что удобно, и потянулась за ручкой, не сразу заметив, что уже держит её в пальцах. Виктор Глебович сказал, что прочитал её сообщение и посмотрел переписку, а затем уточнил, правильно ли понял: согласованную помощь отменили во время её отпуска, после чего ей предложили признать ответственность. Ирина подтвердила, стараясь не заговорить слишком быстро. Он не перебивал и не пытался за неё закончить предложение, только попросил назвать день, когда Кирилл дал Оксане новое распоряжение.

— Во вторник. Оксана сохранила его сообщение и вчера вечером переслала мне, — ответила Ирина. Виктор Глебович немного помолчал, и ей было слышно, как он куда-то кладёт телефон или меняет руку. — Я находился в другом регионе, занимался новой площадкой, — сказал он затем. — Об открытии знал со слов Кирилла. Он сообщил, что несколько гостей недовольны предложенной заменой, но вопрос решили и всем помогли. Сегодня я увидел запись и понял, что получил совсем другое объяснение случившегося. Ирина посмотрела на лежавший перед ней список, на две фамилии, рядом с которыми появились утренние пометки, и сообщила о решениях Серова и Устиновой. Виктор Глебович внимательно переспросил о перенесённых заказах, но не стал требовать, чтобы она немедленно переубеждала клиентов.

Он сказал, что уже вернулся в город, и предложил встретиться следующим утром, чтобы спокойно пройти по всем обстоятельствам. Ирина услышала себя со стороны, когда спросила, кто ещё будет присутствовать, и пожалела, что не смогла скрыть напряжение. Виктор Глебович ответил, что намерен сначала поговорить с ней, затем выслушать Кирилла и остальных участников. Она положила ручку, прижала ладонь к столу и всё-таки уточнила: — Я хочу сначала рассказать вам без вашего сына. Не только о письмах. Пожалуйста, дайте мне возможность договорить, прежде чем его позовут. После короткой паузы Виктор Глебович согласился и назвал время — девять утра. В его голосе не прозвучало удивления, но Ирина всё равно почувствовала, как сильно устала ждать от каждого собеседника возражения.

— Есть ещё одна вещь, — сказала она, прежде чем он успел закончить разговор. — Сегодня мой пропуск отключили. Мне не разрешили войти в офис. Виктор Глебович переспросил, кто сообщил ей о запрете, и Ирина назвала Николая Петровича, сразу пояснив, что охранник выполнял распоряжение. Он выслушал и ответил, что сам предупредит охрану о её приезде; встреча пройдёт в его кабинете, и сначала они будут разговаривать вдвоём. Ирина поблагодарила, записала время, хотя уже запомнила его, и спросила, нужно ли ещё что-нибудь подготовить. Виктор Глебович попросил взять сохранённые сообщения и те обращения гостей, которые она успела разобрать, затем попрощался, оставив ей несколько секунд, чтобы задать последний вопрос, если он есть.

После звонка Ирина продолжала держать телефон возле лица, пока экран не погас. Сам разговор ещё ничего не исправил: Устинова увела заказы, пропуск оставался отключённым, а письмо Кирилла уже прочитали люди, которым она сегодня пыталась объясниться. Но утром ей предстояло говорить с человеком, который хотя бы согласился выслушать её до конца, и теперь она могла готовиться к определённой встрече вместо того, чтобы ждать очередного распоряжения генерального. Ирина набрала Лизе короткое сообщение, что владелец вернулся и пригласил её на разговор. Дочь ответила почти сразу, пообещала позвонить завтра после встречи и прислала фотографию вынесенных коробок, аккуратно поставленных у контейнера для картона. Ирина задержалась на этом снимке, вспомнила, как они вдвоём тащили самую большую коробку до двери, и впервые за вечер немного улыбнулась.

Она разложила на столе письма, открыла сообщение Оксаны и проверила, сохранилась ли дата над распоряжением Кирилла. Печатать дома было не на чем, поэтому Ирина собрала нужные файлы в отдельную папку на ноутбуке, а в блокноте записала, что за чем происходило, чтобы утром не искать по всей переписке. Рядом с заметками о возвратах добавила письмо партнёрам и сегодняшнее распоряжение не пускать её на работу. Дойдя до вчерашнего совещания, она надолго остановилась, потом всё-таки написала ещё одну строку о том, что Кирилл сказал при коллегах о её разводе. Эту часть разговора нельзя было подтвердить снимком экрана, и от необходимости произнести её перед Виктором Глебовичем снова стало не по себе. Ирина оставила строку на месте и закрыла блокнот, не пытаясь превратить всё случившееся в один удобный для обсуждения рабочий спор.

Сообщение от Кирилла пришло поздно, когда она уже убрала со стола посуду и собиралась вынуть из шкафа одежду на завтра. Он написал, что отец позвонил ему, а затем добавил: «Надеюсь, вы понимаете, что он не станет разрушать семью ради сотрудницы. Подумайте, что будете говорить утром». Ирина перечитала эти слова, стоя посреди кухни с полотенцем в руке, и машинально посмотрела на входную дверь, словно Кирилл снова оказался где-то рядом. Ей вспомнилось, как он сегодня обещал оставить её на работе, если вечером она придёт просить, и как уверенно говорил об этом перед охранником. Ирина сделала снимок сообщения, сохранила его вместе с остальными и не стала открывать поле ответа.

Она повесила полотенце на крючок, достала из шкафа чистую блузку и положила рядом с ней жакет. Потом вернулась к столу, включила ноутбук и добавила в свои записи последний разговор с Кириллом, указав время его сообщения. Сказать утром о собственном желании про-

должать работу она была готова, но подписывать его версию произошедшего не собиралась ни перед ним, ни перед его отцом. Ирина проверила, лежат ли в сумке очки и зарядное устройство, поставила рядом ноутбук и завела будильник с запасом, чтобы не торопиться перед выходом. Прежде чем выключить свет, она ещё раз посмотрела на раскрытый блокнот и оставила его на самом верху, на странице с записанными для Виктора Глебовича вопросами.

Глава 3. Отец генерального

Ни

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.